

Альтер М.

Молчаливое меньшинство

Альтер М.

Молчаливое меньшинство

«Автор»

2026

М. А.

Молчаливое меньшинство / А. М. — «Автор», 2026

В городе, поражённом вирусом правды, где немые становятся изгоями, а лжецы процветают, бывший детектив Артём Соболев, потерявший голос, но обостривший способность слышать ложь, выходит на след серийного убийцы, чья правда настолько чудовищна, что жертвы кончают с собой. Психологический триллер о природе правды, вине и искуплении.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Город, где слова стали ядом	5
Глава 2. Тот, кто говорит правду	15
Глава 3. Набережная шёпотов	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Альтер М.

Молчаливое меньшинство

Глава 1. Город, где слова стали ядом

Дождь барабанил по ржавым карнизам, и звук этот напоминал не музыку, а дробь сотен крошечных молоточков, забивающих гвозди в крышку гроба. Серый, удушливый сумрак окутал город, размывая очертания домов, превращая их в призрачные тени. Фонари горели вполнакала, их желтый, болезненный свет едва пробивался сквозь мутную пелену воды, стекающей по стеклу. Город задыхался. Но не от дождя. Город задыхался от страха.

Артём Соболев стоял у окна своего кабинета и смотрел, как по тротуару, прижимаясь к стенам, словно боясь, что само небо обрушится им на головы, спешат редкие прохожие. Они шли быстро, опутив взгляды в лужи, кутаясь в воротники плащей, пряча лица под капюшонами. Они старались быть незаметными, серыми, как этот дождь, как этот сумрак, как этот город, потерявший право на звонкие голоса.

Кабинет был маленьким, но Артём не считал его тесным. Здесь пахло дешёвым табаком, крепким чаем и бумажной пылью — запахами, которые стали для него синонимом работы, а точнее, единственным её осязаемым остатком. Он провёл рукой по столу, пальцы скользнули по холодной поверхности лампы, по ободку гранёного стакана, по стопке пожелтевших дел. Всё это было знакомо, привычно, но в то же время стало каким-то чужим, словно вещи из прошлой жизни.

Прошлая жизнь. Она закончилась три месяца назад, в тот самый день, когда он проснулся и понял, что больше не может говорить. Вернее, говорить он мог, но слова застревали где-то в гортани, превращаясь в сдавленный, kloчочущий хрип. Он не чувствовал боли, лишь пустоту там, где раньше рождался голос. Словно кто-то вынул невидимый инструмент, оставив только беззвучный механизм.

Сначала он решил, что простудился. Простуда — это было просто, объяснимо, банально. Он пил горячее молоко с мёдом, полоскал горло содой, глотал таблетки, которые нашлись в аптечке. Но голос не возвращался. Тогда он пошёл к врачу. Старый лор-врач с усталыми глазами и вечно дрожащими руками долго осматривал его, щупал лимфоузлы, заглядывал в гортань зеркальцем.

— Ничего не вижу, — произнёс он тогда, и в его голосе прозвучала не усталость, а странная, почти суеверная обречённость. — Абсолютно здоровое горло, Артём Сергеевич. Психосоматика, наверное.

— Психосоматика? — переспросил тогда Артём, ещё не веря в происходящее.

Врач пожал плечами, отводя взгляд.

— Ну, знаете... Это когда...

Он не договорил, но Артём и сам понял. Это когда правда слишком тяжела, и организм отказывается её произносить. Но он не верил в эту чушь. До последнего не верил, пока на следующий день не встретил своего напарника, Лёшку Громова.

Лёшка всегда был треплом. Мог часами рассказывать байки, пересыпая их выдуманными подробностями и преувеличениями. В тот день он выглядел бодрым, даже слишком. Его лицо лучилось фальшивым оптимизмом, а глаза бегали.

— Привет, Артём! — гаркнул он, хлопнув его по плечу. — Как жизнь молодая?

Артём открыл рот, чтобы сказать: «Так же, как и вчера, Лёш, паршиво, будто по мне каток проехал». Он хотел произнести это легко, как дань их привычному рабочему ритуалу. Но

вместо слов из груди вырвался лишь сдавленный стон. Он попытался снова, напрягся, почувствовал, как на лбу выступила испарина. Ничего. Только хрип.

Громов уставился на него, и улыбка медленно сползла с его лица. В его взгляде появился страх. Самый настоящий, животный страх. Он сделал шаг назад.

— Так ты... того? — прошептал он, и его голос дрогнул. — Правда, да?

Артём кивнул. Он не мог ничего сказать. Он не мог соврать, что всё в порядке, чтобы успокоить напарника. Он не мог даже произнести своё имя.

В тот момент он до конца осознал, что мир изменился. Не просто вокруг него, а для него. Он стал одним из «них». Из тех, кто не может лгать.

Тех самых изгоев.

Эпидемия началась тихо, незаметно, как вор, проникающий в дом, пока хозяева спят. Никто не объявлял карантин, не бил тревогу, не печатал экстренных выпусков. Сначала были просто слухи, шепотки на кухнях и в очередях. Говорили, что у кого-то пропал голос. Потом слухи стали обрастать подробностями. У всех потерявших голос была одна общая черта: они не могли лгать. Они пытались, но их гортань сжималась в спазме, губы деревенели, а голосовые связки отказывались воспроизводить даже самую безобидную, бытовую ложь.

«Вирус правды» — так его окрестили журналисты. Название было звучным, но глубоко лживым по своей сути. Это был не вирус правды. Это была чума правды. Правда стала ядом, а способность лгать — противоядием.

Те, кто мог свободно обманывать, продолжали жить. Они улыбались, говорили комплименты, которые не имели смысла, давали обещания, которые не собирались выполнять. Они заполнили эфиры телеканалов, трибуны, офисы. Их голоса звучали громко и уверенно. Они были здоровы.

А потерявшие голос — молчаливое меньшинство — ушли в тень. Они стали неприкасаемыми. Их увольняли с работы, потому что они не могли сказать клиенту: «Как вам идёт этот костюм!», когда костюм сидел ужасно. Их выгоняли из ресторанов, потому что они не могли похвалить безвкусное блюдо. С ними разрывали отношения, потому что на вопрос «Ты меня любишь?» они могли либо промолчать, либо сказать правду, которая, как известно, редко бывает приятной.

Общество, построенное на сладкой лжи, объявило войну носителям горькой правды. Люди перестали доверять друг другу. Любое слово могло оказаться ядом, способным убить веру, надежду, любовь. Любой немой мог оказаться бомбой, которая молчит, но взорвётся, если её заставить говорить.

Артём стал одним из таких. Но он не сдался. Он не ушёл в катакомбы, не примкнул к подпольным сообществам «молчаливых», как предлагали некоторые. Он остался в полиции. Вернее, полиция оставила его. Не из милосердия, а из практических соображений.

Он был нужен. Его уникальное состояние было не только проклятием, но и даром. Он не мог лгать, но он мог слышать ложь. Обострившаяся, словно звериное чутьё, интуиция позволяла ему распознавать фальшь в голосах подозреваемых, свидетелей, начальников. Он слышал микропаузы, заминки, едва заметные изменения тона. Ложь для него звучала как фальшивая нота в симфонии. Она резала слух, вызывала почти физическую тошноту. Он стал человеком-детектором. Бесполезным в быту, но незаменимым на допросе.

Он не мог задавать вопросы, но мог сидеть напротив и слушать. Прокурор задавал вопрос, а Артём потом писал в блокноте, лгал подозреваемый или нет. Эта работа не приносила ему радости, но позволяла чувствовать себя нужным, оставаться на плаву в этом новом, безумном мире.

Сегодня он был не на допросе. Сегодня он просто ждал. Ждал, когда закончится дождь, когда можно будет поехать домой и забыться в липком, тревожном сне.

В дверь постучали. Стук был робкий, неуверенный.

Артём обернулся. Он не мог сказать «Войдите». Он подошёл и открыл дверь.

На пороге стояла женщина. Она была промокшей до нитки, вода стекала с полей её серой фетровой шляпки. В руках она сжимала потрёпанную дамскую сумочку. Возраст её было трудно определить — из-за болезненной худобы и глубоких теней под глазами она выглядела старше своих лет. Её губы дрожали, а в широко распахнутых глазах застыл ужас.

— Простите, — выдохнула она, и её голос был настолько тихим, что Артём едва расслышал его за шумом дождя. — Мне нужен... детектив. Соболев.

Артём кивнул и жестом пригласил её войти. Он указал на стул возле своего стола, а сам прошёл к своему креслу, сел и подвинул к себе блокнот. Это был его единственный способ коммуникации. Простой, но надёжный.

Женщина села на краешек стула, так и не выпуская сумочки из рук. Она оглядела кабинет, словно искала скрытые камеры или микрофоны. Наконец, её взгляд остановился на Артёме.

— Вы же... вы не можете говорить, да? — спросила она. В её голосе не было осуждения, скорее, страх и что-то похожее на отчаянную надежду.

Артём снова кивнул. Он взял карандаш и написал на чистом листе крупными буквами: «Да. Я вас слышу. Говорите».

Он показал ей записку. Женщина прочитала, нервно облизнула губы.

— Я... Я не знаю, с чего начать, — пробормотала она. — Мне страшно. Мне очень страшно, детектив.

Артём не торопил её. Он снова склонился над блокнотом. Карандаш быстро заскользил по бумаге.

«Понимаю. Но здесь вы в безопасности. Что вас привело ко мне?»

Женщина прочитала и подняла на него глаза. В них блеснули слёзы.

— Мой сын, — прошептала она. — Мой сын пропал.

Артём терпеливо ждал. Он видел, что ей нужно время, чтобы собраться с мыслями, чтобы заставить свой голос не дрожать.

— Его зовут Игорь. Игорь Мельников. Ему девятнадцать. Он студент, — начала она, запинаясь на каждом слове. — Он... он тоже немой. Как и вы. Это случилось месяц назад. Он пришёл домой, лёг на кровать и... замолчал. С тех пор ни слова.

Артём понимающе кивнул. Он помнил свой первый день тишины. Это было похоже на смерть.

— Он ушёл из дома четыре дня назад, — продолжала женщина. — Утром. Сказал, что ему нужно встретиться с каким-то человеком. Я спросила, с кем. Он только написал на бумажке: «С тем, кто может понять». И всё. Больше я его не видела.

Артём записал: «Он раньше уходил?»

Женщина покачала головой.

— Нет. Никогда. Он был очень ответственным мальчиком. Всегда звонил, предупреждал. А тут... — она замолчала, сглотнув комок в горле. — Я обращалась в полицию. Они лишь посмеялись надо мной. Сказали, что такие, как он, постоянно пропадают. Что они не нужны обществу. Представляете? — в её голосе зазвенела истеричная нотка. — Они сказали, что это естественный отбор.

Артём почувствовал, как внутри закипает гнев. Он знал, что так относятся к «молчаливым». Знал слишком хорошо. Он не раз сталкивался с этим презрением, с этой брезгливостью, с этим желанием поскорее избавиться от людей, чья правда была неудобной.

Женщина замолчала, переводя дыхание.

— Я долго искала, к кому можно обратиться. И мне сказали о вас. Что вы... вы слушаете по-особенному. Что вы помогаете таким, как мой сын.

Артём медленно кивнул. Он хотел сказать ей, что поможет, но не мог. Он просто обязан был ей помочь. Это был его личный долг перед теми, кто оказался в аду под названием «правда».

Он начал писать быстро, размашисто. Его вопросы были прямыми, как удары:

«Когда вы его видели в последний раз?»

«Он не оставил записку?»

«Как выглядел?»

«Кто этот человек, с которым он должен был встретиться?»

Женщина отвечала сбивчиво, но он терпеливо записывал каждую деталь. Его мозг, заточенный на улавливание лжи, работал как чётко отлаженный механизм. Она не лгала. Он это чувствовал. Она была искренней в своём горе.

Когда она закончила, он перечитал свои записи. Обычное дело о пропаже человека. Обычное, если бы не одна деталь. Молчаливый юноша ушёл на встречу с тем, «кто может понять». И не вернулся.

— Вы можете? — с надеждой спросила женщина, вглядываясь в его лицо.

Артём поднял на неё глаза и кивнул. Это был единственный способ сказать «да» без лжи.

Женщина облегчённо вздохнула, и её плечи поникли. Она достала из сумочки небольшой конверт.

— Это его вещи, — сказала она, протягивая конверт Артёму. — Всё, что он оставил. Фотография, студенческий билет, блокнот с его мыслями. Я думала, это поможет.

Артём принял конверт. Он был лёгким, но Артём ощутил его тяжесть. Внутри была не просто бумага, а чья-то прерванная жизнь.

Женщина поднялась.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо, что хотя бы не прогнали.

Артём проводил её до двери. Она уходила, такая же серая, как дождь за окном, как город, проглотивший её сына. Закрыв за ней дверь, он вернулся к столу и опустился в кресло.

В кабинете снова стало тихо. Только дождь всё стучал, отбивая свой бесконечный траурный ритм. Артём смотрел на конверт, лежащий на столе. Он не хотел открывать его сразу. Ему нужно было время, чтобы переварить услышанное, чтобы настроиться на волну поиска.

Он подошёл к окну. Город за стеклом был похож на размытый акварельный рисунок. Люди на улице превратились в тёмные кляксы, суетливо перебегающие от одного укрытия к другому. Они все боялись. Боялись дождя, друг друга, правды. Они предпочли закутаться в кокон лжи, лишь бы не чувствовать боли.

Артём провёл ладонью по шее. Там, где, по его ощущениям, жил его голос, теперь была звенящая пустота. Он закрыл глаза и попытался представить, каково это — произнести сейчас хоть слово. Любое. «Правда» — он бы попробовал. Но язык прилип к нёбу, а горло сдавил знакомый спазм. Он не мог даже прошептать это.

Он был нем. Нем, но не глух к чужой лжи. Он чувствовал её повсюду. В льстивом тоне официанта, в лицемерных соболезнованиях, в громких заверениях чиновников о стабильности. Ложь была вездесуща, она липкой плёнкой покрывала весь этот город, спасая одних и убивая других.

Он отошёл от окна и снова сел за стол. Взял конверт. Пальцы медленно вскрыли его. Внутри лежало несколько предметов. Студенческий билет. Игорь Мельников, девятнадцать лет, факультет журналистики. С фотографии на Артёма смотрел парень с умным, чуть насмешливым взглядом и тонкими чертами лица. Было в нём что-то от мечтателя, не от мира сего.

Затем Артём достал блокнот. Обычный, в клетку, с потертой картонной обложкой. Он открыл первую страницу. Аккуратный, старательный почерк. Мысли, размышления. Он начал читать.

«Мир сошёл с ума. Мы пытаемся удержать слова, но они становятся клеткой. Мы боимся говорить, потому что правда убивает, а ложь развращает. Я не знаю, что страшнее. Сегодня я понял, что мой голос — это моё проклятие. Я всегда думал, что главное в жизни — говорить правду. Но теперь правда приносит только боль. Я стал изгоем в собственной семье. Отец не может смотреть мне в глаза. Мама плачет по ночам. Они не понимают, почему я не могу им сказать, что всё будет хорошо. Я не могу. Потому что это будет ложью».

Артём перевернул страницу. Почерк стал более нервным, буквы плясали.

«Я встретил человека. В парке. Он был такой же, как я. Молчал. Но мы понимали друг друга без слов. Он написал мне на клочке бумаги, что знает, как жить дальше. Что есть способ обрести покой. Он не сказал, что нужно делать. Просто оставил адрес. Может, там ответы? Я пойду».

Артём перевернул ещё страницу. Там был написан адрес. Заброшенный промышленный район, улица, номер дома.

Его сердце забилося быстрее. Он знал это место. Там давно не было ничего, кроме пустых складов и бродячих собак. Что там делать молчаливому студенту?

Он отложил блокнот и задумался. В обычном деле о пропаже человека был бы один путь — начать с опроса свидетелей, проверить связи. Но у Игоря не было связей. У него был только человек, оставивший адрес. Человек, который «может понять».

Артём понимал, что это дело не будет обычным. Он чувствовал это своей обострившейся интуицией. Где-то в глубине этого мрачного города, среди дождя и лжи, скрывался кто-то, кто убивал не тела, а надежду. Кто-то, кто говорил правду такую страшную, что люди, услышав её, сходили с ума.

Он снова выглянул в окно. Дождь не утихал. Смывая грязь с улиц, он обнажал другую грязь — ту, что таилась в человеческих душах.

Артём взял карандаш. На чистом листе он написал своё первое решение по этому делу: «Найти место. Проверить адрес».

Он не мог спросить вслух, но он мог начать копать. И это было единственное, что у него осталось. Единственное, что он мог сделать. Потому что он был одним из них. Молчаливым. Отвергнутым.

Но именно ему, потерявшему голос, предстояло услышать то, чего не слышал больше никто. Услышать правду. Правду, которая была настолько чудовищна, что могла убить.

Он взглянул на часы. Стрелки показывали почти полночь. Дождь за окном превратился в сплошную стену воды. Город спал, но Артём знал, что где-то там, в мокрых, тёмных переулках, начиналась охота. Охота на таких, как он. И теперь, возможно, охота шла за ним.

Он не боялся. Ему было нечего терять. У него больше не было голоса, чтобы кричать. Но у него было нечто большее — молчаливая, холодная решимость.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, вслушиваясь в стук дождя. В этом ритме ему чудились обрывки слов, шёпоты, крики. Крики тех, кто не мог больше лгать. Крики, которые не были слышны никому, кроме него.

Завтра начнётся новый день. Завтра он пойдёт по адресу из блокнота. Завтра он столкнётся с тьмой. А пока — только тишина. И дождь, который смывает с этого города последние следы человечности.

Он посидел ещё немного, давая тишине окутать себя. Затем медленно встал, выключил лампу и вышел из кабинета, оставив конверт и блокнот лежать на столе. Тьма поглотила комнату, и только дождь продолжал свой бесконечный разговор с мёртвым городом. Он вышел на улицу, и дождь тотчас обрушился на него, словно только и ждал этого момента. Холодные капли забарабанили по кепке, по плечам старого кожаного плаща, заструились за воротник, заставляя поёжиться. Артём поднял воротник и зашагал к автобусной остановке. Проспект был

пуст, лишь редкие машины, разбрызгивая лужи, проносились мимо, оставляя за собой мутные, дрожащие отблески фар.

Он не любил возвращаться домой. Его квартира на пятом этаже панельной девятиэтажки казалась ему не убежищем, а продолжением той же серой, безмолвной тюрьмы, в которую превратилась его жизнь. Но идти больше было некуда. Друзья отвернулись, родные не понимали, коллеги сторонились. Он остался один на один со своей немотой, и это одиночество было глубже, чем он мог себе представить.

Автобус подошёл почти сразу, лязгнув дверями, словно нехотя. Внутри было пусто, пахло мокрой шерстью и выхлопными газами. Артём сел у окна, прислонился виском к холодному стеклу и стал смотреть, как за окном проплывают тёмные фасады домов, витрины с погашенными огнями, лужи, в которых дрожали редкие фонари.

Он думал о блокноте, оставшемся на столе. О записи, которую сделал Игорь Мельников. О человеке, который «может понять». Что это значит? Понять что? Понять, каково это — жить без права на ложь? Понять, каково это — быть изгоем в мире, где правда стала оружием?

Артём не знал ответов. Но он знал, что должен их найти. Ради Игоря. Ради его матери. Ради себя самого.

Он вышел на своей остановке, когда автобус, зашипев пневматикой, остановился у тёмного сквера. До дома было минут десять пешком. Дождь немного стих, превратившись в мелкую, липкую морось, которая пробирала до костей не хуже ливня.

Во дворе его встретила привычная тишина. Только где-то далеко, на соседней улице, завывала сигнализация. Артём поднялся по обшарпанной лестнице, стены которой были испещрены непристойными надписями и обрывками объявлений. Ключ повернулся в замке с надсадным скрипом.

Квартира встретила его запахом пыли и одиночества. Он не включал верхний свет, ограничившись тусклой лампой на кухне. Снял плащ, повесил его на спинку стула, налил воды из-под крана и выпил залпом. Вода была тёплой, с привкусом ржавчины, но он не обратил на это внимания.

Он сел за стол и долго сидел, глядя в одну точку на стене. Там, на выцветших обоях, висела фотография в дешёвой рамке — он и его бывшая жена, Лена. Они улыбались, обнявшись. Снимок был сделан три года назад, в парке, в солнечный день. Тогда он ещё мог говорить. Тогда он ещё мог врать.

Лена ушла через месяц после того, как он потерял голос. Она не смогла выдержать. Каждый вечер, глядя на него, она спрашивала: «Ты меня любишь?» — и ждала ответа. А он не мог произнести ни слова. Не потому, что не любил, а потому, что правда была сложнее, чем просто «да». Он любил её, но любовь эта была отравлена болью, страхом, чувством вины. И сказать просто «да» было бы ложью. А ложь для него теперь была недоступна.

Она не поняла. Она решила, что он молчит, потому что не любит. Что его молчание — это приговор их браку. Она собрала вещи и ушла, хлопнув дверью так, что задребезжали стёкла. Он не мог её остановить. Он не мог ничего сказать.

Артём отвёл взгляд от фотографии. Прошлое было прошлым. Сейчас важнее было настоящее — и дело Игоря Мельникова, которое, как он чувствовал, было только началом чего-то гораздо более мрачного.

Он встал, подошёл к шкафу и достал небольшой металлический ящик. Внутри лежали его личные вещи: старый полицейский значок, несколько патронов, охотничий нож в кожаном чехле, фонарик. Он взял фонарик, проверил батарейки. Затем достал нож, подержал в руке, ощущая привычную тяжесть. Он не хотел оружия, но понимал, что в этом деле оно может понадобиться.

На следующее утро он проснулся затемно. За окном было всё так же сумрачно, дождь то затихал, то припускал вновь, словно не мог решить, сколько ещё слёз пролить на этот несчаст-

ный город. Артём быстро собрался, взял с собой блокнот и конверт с вещами Игоря, сунул нож во внутренний карман плаща и вышел.

Ехать нужно было на окраину, в бывшую промышленную зону. Когда-то там кипела жизнь: дымили трубы, грохотали станки, сновали рабочие. Теперь от этого великолепия остались лишь остовы зданий, ржавые остовы машин и заросли борщевика, пробивающегося сквозь трещины в асфальте.

Автобус шёл долго, петляя по узким улочкам, пока не выехал на пустынное шоссе, ведущее к развалинам. Артём был единственным пассажиром. Водитель, хмурый мужчина с мешками под глазами, несколько раз бросал на него подозрительные взгляды в зеркало заднего вида. Артём старался не смотреть в ответ.

Наконец автобус остановился у покосившегося указателя. Двери с шипением открылись. — Конечная, — буркнул водитель.

Артём вышел. Автобус, выпустив облако сизого дыма, развернулся и уехал обратно в город, оставив его одного посреди промозглой, пропитанной сыростью пустоши.

Он осмотрелся. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись серые бетонные заборы, из-за которых выглядывали остовы разрушенных цехов. Тишина здесь была особенной — не просто отсутствием звуков, а какой-то физически осязаемой пустотой, которая давила на уши сильнее любого шума. Казалось, даже дождь здесь шёл беззвучно.

Артём достал блокнот, сверился с адресом. Нужный дом находился в глубине промзоны. Он зашагал по разбитой дороге, покрытой трещинами, в которых скапливалась грязная вода. Кроссовки быстро промокли, но он не замечал этого.

Вокруг не было ни души. Только ветер гулял между мёртвыми зданиями, завывая в пустых оконных проёмах, словно голос погибшего завода. Где-то хлопнула незакрытая дверь, и от этого звука Артём вздрогнул. Рука сама потянулась к ножу, но он заставил себя успокоиться. Не время для паники.

Он шёл медленно, внимательно оглядываясь по сторонам. Его обострённое чутьё, притупившееся в городской суете, здесь, в этой гнетущей тишине, начало пробуждаться. Он слышал, как где-то капает вода с крыши, как шуршит под ногами мусор, как скрипит на ветру ржавая вывеска.

Наконец он увидел нужное здание. Это был длинный приземистый склад из красного кирпича, часть крыши которого обрушилась. Массивные железные ворота были приоткрыты, и в щель было темно, как в могиле. Артём остановился перед входом, прислушиваясь. Ему почудилось, что изнутри доносится едва уловимый шёпот. Но это мог быть просто ветер.

Он достал фонарик, включил его. Луч света выхватил из темноты груды мусора, обломки досок, ржавые бочки. Артём шагнул внутрь. Пол под ногами был скользким от какой-то липкой грязи. Пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным, как запах разлагающегося мяса. Он поморщился.

Он двинулся вглубь, освещая путь фонариком. Постепенно глаза привыкли к полумраку. Внутри склада было огромное пустое пространство, разделённое рядами бетонных колонн. Кое-где из-под обрушившейся крыши пробивался дневной свет, создавая косые полосы туманной дымки. В этих полосах висела пыль, медленно кружащаяся в воздухе.

Артём шёл осторожно, стараясь не наступать на подозрительные пятна на полу. В одном месте он увидел на бетоне тёмные разводы, похожие на засохшую кровь. Он присел, присмотрелся. Нет, это была не кровь. Скорее, масло или смола. Он выдохнул.

В дальнем углу склада, за кучей ржавых труб, он заметил что-то белое. Подошёл ближе. Это был лист бумаги, приколотый к стене ржавым гвоздём. Артём поднял фонарик, чтобы прочитать надпись.

На бумаге размашистым, неровным почерком было написано несколько слов:

«Ты пришёл. Значит, тебе нужна правда. Но помни: правда убивает. И это не метафора».

Артём замер. По спине пробежал холодок. Он не знал, кто оставил эту записку, но она явно была адресована не конкретно ему. Скорее, любому, кто сюда войдёт. Или именно ему? Может быть, за ним следили?

Он оглянулся. Луч фонарика заметался по стенам, выхватывая из темноты то кусок арматуры, то груды кирпичей. Ему показалось, что в дальнем углу что-то шевельнулось. Он резко повернулся, направив свет. Никого. Только тень от колонны.

Сердце стучало где-то в горле. Артём заставил себя сделать несколько глубоких вдохов. Нужно было продолжать. Он пришёл сюда не для того, чтобы бояться собственной тени.

Он обошёл склад по периметру, осматривая каждый уголок. В одном месте, под кучей мусора, он заметил обрывок одежды — кусок серой ткани, испачканный чем-то бурым. Артём поднял его. Ткань была шерстяной, похожей на материал пиджака. В памяти всплыл студенческий билет Игоря: он был одет в светло-серый пиджак.

Артём сжал обрывок в руке. Неужели это то, что осталось от парня? Он осмотрел место внимательнее. На полу рядом валялись осколки разбитой банки, какие-то щепки, а ещё — несколько страниц из блокнота, скрученных в трубочки и брошенных в лужу. Он поднял одну, развернул. Бумага была сырой, чернила расплылись, но некоторые слова можно было разобрать.

«...он говорит, что правда — это освобождение... но почему так страшно... я не хочу больше слышать...»

Остальное было неразборчиво. Артём спрятал страницы в карман. Он почувствовал, как внутри нарастает тревога. Здесь явно происходило что-то ужасное. Игорь был здесь. Но где он теперь?

Артём снова осмотрел склад. В одном месте он заметил лестницу, ведущую вниз, в подвальное помещение. Металлические ступени были покрыты ржавчиной и слизью. Он посветил вниз. Из темноты пахло холодом и затхлостью.

Он помедлил. Спускаться в подвал в одиночку, без связи, в этом безлюдном месте, было опасно. Но отступать было нельзя. Он достал нож, крепче сжал рукоять и начал спускаться.

Ступени скрипели и прогибались под ногами. С каждым шагом темнота сгущалась. Фонарик давал лишь узкий конус света, который выхватывал перед ним кусок бетонного пола и стены с облупившейся штукатуркой.

Внизу оказался длинный коридор с несколькими дверьми по обеим сторонам. Некоторые были заколочены досками, другие приоткрыты. Пол был залит водой, и каждый шаг отдавался гулким эхом. Казалось, что кто-то идёт за ним след в след, повторяя движения.

Артём остановился, прислушался. Эхо повторило его шаги и затихло. Но ему почудилось, что в конце коридора, за одной из дверей, раздался слабый стон. Он затаил дыхание. Стон повторился, едва слышный, похожий на плач ребёнка.

Он двинулся вперёд, держа фонарик и нож наготове. Дверь, из-за которой доносился звук, была слегка приоткрыта. Сквозь щель пробивался тусклый, мерцающий свет, словно там горела свеча.

Артём подошёл вплотную, толкнул дверь носком ботинка. Она со скрипом отворилась. Луч фонарика скользнул внутрь.

Перед ним была небольшая комната, похожая на бывшую кладовую. В углу, на куче тряпья, лежал человек. Его лицо было скрыто в тени, но по очертаниям фигуры Артём понял, что это молодой мужчина.

Артём шагнул внутрь, направив свет на лежащего. Это был Игорь Мельников. Он был жив, но находился в полубессознательном состоянии. Его лицо было бледным, губы пересохшими, глаза закрыты. На лбу виднелась ссадина, запёкшаяся кровью.

Артём опустился рядом с ним на колени, потрогал пульс на шее. Пульс был слабым, но ровным. Он попытался растормошить парня, но тот не приходил в сознание.

Он не мог позвать на помощь. Не мог произнести ни слова. Впервые за долгое время он по-настоящему ощутил свою беспомощность. Он остался наедине с раненым в подвале мёртвого завода, в полной тишине, прерываемой лишь капаньем воды где-то в глубине.

Он огляделся в поисках того, чем можно было привести Игоря в чувство. В углу стояла пустая пластиковая бутылка. Воды не было. Он пошарил по карманам, нашёл носовой платок, смочил его в луже на полу и протёр лоб парня. Тот застонал, веки дрогнули.

— Не... не надо... — прошептал Игорь, не открывая глаз. — Я больше не могу...

Артём не мог спросить, что случилось. Он просто оставался рядом, придерживая голову парня. Наконец Игорь медленно открыл глаза. Взгляд его был мутным, расфокусированным. Он посмотрел на Артёма, и в его глазах промелькнуло узнавание.

— Вы... вы меня нашли... — прошептал он. — Я думал, я здесь умру.

Артём кивнул. Он хотел узнать, кто его сюда привёл, кто оставил эту записку на стене, что за человек «который понимает». Но он мог лишь смотреть и ждать.

Игорь, казалось, понял его безмолвный вопрос. Он сглотнул, скривившись от боли.

— Он... он говорил со мной, — прошептал Игорь, и его голос дрожал. — Он говорил так спокойно, так... убедительно. Он сказал, что правда — это единственное, что у нас осталось. Что мы должны принять её, какой бы она ни была. И я... я слушал.

Артём достал из кармана блокнот и карандаш. Писать было неудобно, но он приспособился — положил блокнот на колено и нацарапал:

«Кто он?»

Игорь посмотрел на записку, потом снова на Артёма.

— Я не знаю его имени, — прошептал он. — Он просто пришёл ко мне в парке. Он был такой же, как мы. Молчал. Но потом... он начал говорить. И его слова... они были правдой. Только правдой. Такой правдой, которую невозможно вынести.

Артём снова написал: «Что он тебе сказал?»

Игорь отвернулся, закрыл глаза. По его щеке скатилась слеза.

— Он сказал, что моя мать не любит меня. Что она оставила меня только из чувства долга. Что мой отец не умер от болезни — он покончил с собой, потому что не мог вынести моего рождения. Что я был ошибкой... нежеланным ребёнком...

Голос Игоря прервался, он закашлялся. Артём положил руку ему на плечо, пытаясь успокоить.

— Это было не самое страшное, — продолжил Игорь, всхлипнув. — Он говорил обо всём. О моих друзьях, которые на самом деле ненавидели меня. О моих учителях, которые считали меня бездарностью. О девушке, которая смеялась надо мной за спиной. Он знал всё. Абсолютно всё. Каждую деталь моей жалкой жизни. И он говорил это с такой уверенностью, с такой спокойной жестокостью, что я... я захотел умереть.

Артём сжал кулаки. Он понимал, о чём говорит парень. Правда — это не всегда освобождение. Иногда правда — это оружие, которое убивает медленно, изнутри. И тот, кто использует её безжалостно, знает, как наносить самые болезненные удары.

«Где он?» — написал Артём.

Игорь покачал головой.

— Ушёл. Он просто встал и ушёл, оставив меня здесь. Сказал, что теперь я свободен. Но я не чувствую свободы. Я чувствую только пустоту и страх.

Артём задумался. Этот человек не просто говорил правду. Он выискивал самые уязвимые места, самые глубокие раны, и вонзал в них острие своей правды. Он был не просто носителем истины. Он был хирургом, который оперировал без наркоза, наслаждаясь страданиями своих жертв.

Но почему он оставил Игоря в живых? Может, потому что не все его жертвы умирали сразу? Может, ему нравилось наблюдать за агонией, за тем, как правда разъедает душу изнутри?

Артём почувствовал, как холодный гнев поднимается из глубины его существа. Он не мог говорить, но его молчаливое присутствие, его решимость были красноречивее любых слов. Он должен найти этого человека. Должен остановить его.

Он снова склонился над блокнотом: «Ты можешь идти?»

Игорь попытался приподняться, но обессиленно рухнул обратно.

— Нет... у меня нет сил... Он что-то сделал со мной... я не чувствую ног...

Артём осмотрел ноги Игоря. Внешних повреждений не было, но парень, похоже, был в состоянии сильного шока, граничащего с параличом. Его психика не выдерживала того давления, которое оказывала на неё услышанная правда.

Артём понял, что ему нужна помощь. Он не мог вытащить Игоря отсюда в одиночку. Нужно было вернуться в город, сообщить в полицию, но... он знал, что там его слушать никто не станет. Для полиции Игорь был просто ещё одним «молчаливым», пропавшим без вести. Никому не было дела до немых изгоев.

Он посмотрел на Игоря. Тот снова впадал в забытье, его веки опускались, дыхание становилось ровным, но поверхностным. Артём не мог его оставить. Но и вытащить на себе тоже не мог.

Он принял решение: он останется с Игорем до темноты, а потом, когда парень немного восстановит силы, они попробуют выбраться. Если же Игорь не сможет идти, придётся искать другой способ.

Он сел на корточки у стены, привалившись спиной к холодному бетону, и приготовился ждать. В подвале было тихо, лишь где-то вдалеке монотонно капала вода. Артём смотрел на неподвижную фигуру Игоря и думал о том, что этот подвал, возможно, стал бы могилой для них обоих.

Но он не позволит страху победить. Он уже пережил худшее — потерю голоса, потерю жены, потерю себя. Теперь у него была цель. И ради этой цели он готов был идти до конца. Даже если этот конец окажется во мраке, из которого нет выхода.

Он погасил фонарик, чтобы не привлекать внимания, и остался в темноте. Только его собственное дыхание нарушало тишину. И где-то в глубине склада, ему казалось, он слышал шаги. Медленные, размеренные. Кто-то ходил там, наверху. Кто-то ждал.

Кто-то наблюдал.

Глава 2. Тот, кто говорит правду

Темнота в подвале была не просто отсутствием света. Она была осязаемой, липкой, как чёрная паутина, обволакивающая лицо. Артём сидел, прижавшись спиной к холодной бетонной стене, и вслушивался в шаги наверху. Они то затихали, то возобновлялись — мерные, тяжёлые, словно кто-то ходил взад-вперёд по пустому складу, не спеша, наслаждаясь каждым движением. Иногда шаги останавливались, и тогда наступала такая глубокая тишина, что Артём слышал, как бьётся его собственное сердце — гулко, неровно, отдаваясь в висках.

Он не зажигал фонарик. Он знал, что любой луч света может выдать его местоположение. Вместо этого он дал глазам привыкнуть к мраку, различая лишь слабые, едва уловимые контуры: бетонные стены, ржавые трубы, неподвижное тело Игоря на куче тряпья. Парень лежал на боку, подтянув колени к груди, и дышал часто, поверхностно. Иногда с его губ срывались обрывки слов, похожие на бредовые видения.

Артём осторожно, стараясь не шуметь, протянул руку и коснулся плеча Игоря. Тот вздрогнул, но не проснулся. Его кожа была холодной и влажной от пота. Артём понимал, что парню нужна помощь, и как можно скорее. Но как вытащить его отсюда, если наверху, возможно, находится тот, кто его сюда привёл? Или это просто шум ветра, шутка воображения, разыгравшегося среди мёртвых стен?

Он заставил себя успокоиться. Паника — плохой советчик. Нужно было мыслить ясно, как на допросе, когда перед тобой сидит подозреваемый и лжёт, не моргнув глазом. Тогда Артём не мог задавать вопросов, но мог слушать. И сейчас он тоже мог только слушать. И ждать.

Прошло, как ему показалось, около получаса. Шаги наверху стихли. Возможно, тот, кто ходил, ушёл. А возможно, просто затаился. Артём не знал, что хуже.

Он решил рискнуть. Включил фонарик, но прикрыл его ладонью так, чтобы свет пробивался лишь узкой щелью. Этого было достаточно, чтобы осмотреться. Он осветил лицо Игоря: оно было бледным, с синеватым оттенком, губы потрескались, на лбу запеклась кровь. Парень всё ещё был без сознания, но дыхание стало ровнее.

Артём снова подумал о том, что не может позвать на помощь. Никогда ещё его немота не ощущалась так остро, так унижительно. Он был словно заперт в собственном теле, и единственный ключ — его руки, способные писать, — был бессилен в этой ситуации. Кому он мог написать? Кому передать записку? Вокруг ни души.

Он опустил фонарик и снова погрузился в темноту. Нужно было придумать план. Вернуться в город, привести помощь? Но тогда придётся оставить Игоря здесь одного, в этом мёртвом месте, на милость того, кто, возможно, ещё прячется в тенях. Остаться и ждать, пока парень очнётся? Но сколько это займёт — час, два, сутки? А если он вообще не очнётся?

Артём провёл рукой по лицу, стирая холодную испарину. Он чувствовал, как напряжение сковывает мышцы, как каждая клетка его тела требует немедленного действия. Но действовать было нельзя. Только ждать.

Он вспомнил, как в первые дни после потери голоса его охватывала подобная же беспомощность. Он просыпался среди ночи в холодном поту, пытаясь кричать, но из горла вырывался лишь сдавленный хрип. Он звал на помощь, но никто не слышал. Он был один, и это одиночество было страшнее любой физической боли.

Теперь к одиночеству добавился страх. Не за себя — за Игоря. За этого парня, который, как и он, стал жертвой жестокого дара. За его мать, которая ждёт сына и не находит себе места. За всех тех, кто, возможно, уже сгинул в этих мёртвых стенах, потому что кто-то решил открыть им глаза на правду.

Артём сжал кулаки. Он не мог допустить, чтобы это дело закончилось ещё одной трагедией. Он должен был выбраться отсюда. Должен был найти того, кто стоит за всем этим.

Он снова включил фонарик, на этот раз смелее, и осмотрел подвал более внимательно. В углу, у самой стены, он заметил то, на что раньше не обратил внимания: несколько листов бумаги, разложенных на полу, словно для чтения. Он подполз к ним, стараясь не шуметь. Это были исписанные от руки страницы. Почерк был размашистым, с наклоном вправо, буквы крупные, неровные.

Он поднял один лист и поднёс к свету фонарика. На бумаге было написано:

«Я не лгу. Я никогда не лгал. Но моя правда — это не та правда, которую вы хотите услышать. Это правда, от которой вы прячетесь за ширмой вежливых слов и пустых обещаний. Это правда, которая разрушает иллюзии. Я — голос, который говорит то, о чём вы боитесь даже подумать».

Артём перевернул лист. На обороте было ещё несколько строк:

«Они называют меня чудовищем. Но я лишь отражаю то, что скрыто. Я — правда, которую вы не можете вынести. И те, кто слышит меня, уходят добровольно. Они не убивают себя. Они просто перестают цепляться за жизнь, потому что я показываю им, насколько их жизнь пуста».

Артём почувствовал, как холодок пробежал по спине. Это был почерк человека, который не просто верил в свою правду — он наслаждался ею. Человек, который считал себя пророком, призванным открыть людям глаза на их ничтожество. Но за этим стояла не забота, а садизм. Он не спасал — он убивал. Медленно, изощрённо, с помощью слов.

Он отложил первый лист и поднял второй. На нём были выписаны чьи-то имена, даты, обрывки фраз. Артём узнал несколько фамилий: люди, которые, по слухам, покончили с собой за последние месяцы. Об этих смертях не говорили вслух — в городе и без того хватало мрачных новостей. Но теперь Артём начал понимать: возможно, все эти самоубийства были не случайными. Возможно, все эти люди стали жертвами «правдорёба», как назвал его про себя Артём.

Он продолжал читать. На третьем листе были записаны фразы, которые человек говорил своим жертвам. Артём пробежал глазами по строкам и вздрогнул. Это были не просто обвинения или разоблачения. Это были хирургически точные удары по самым уязвимым местам: страхи, сомнения, тайные грехи, в которых человек боялся признаться даже самому себе. Каждое слово было подобрано так, чтобы причинить максимальную боль.

Артём вспомнил, что говорил Игорь: этот человек знал о нём всё — о его семье, о его отношениях, о его самых сокровенных мыслях. Как он получил эту информацию? Возможно, он следил за своими жертвами, изучал их, прежде чем нанести удар. Или, возможно, у него был доступ к каким-то базам данных, к личным перепискам. В любом случае, это был не просто безумец, болтающий на площади. Это был расчётливый, холодный хирург, который знал, где резать.

Артём сложил листы в карман. Они могли стать уликами. Он обязан был сохранить их, чтобы потом передать тем, кто сможет использовать их в расследовании. Если, конечно, он сам выберется отсюда.

Он снова посмотрел на Игоря. Парень пошевелился, застонал. Веки его задрожали, и он медленно открыл глаза.

— Где я? — прошептал он, озираясь.

Артём приблизился, коснулся его руки. Игорь сфокусировал взгляд на нём, и в его глазах мелькнуло узнавание.

— Вы... вы здесь, — выдохнул он. — Я думал, это сон.

Артём покачал головой. Он взял блокнот и написал: «Ты в подвале. Мы должны выбраться. Ты можешь идти?»

Игорь прочитал, слабо усмехнулся.

— Не знаю. Мне всё ещё кажется, что я слышу его голос. Он повторяется у меня в голове, как заезженная пластинка.

Артём написал: «Что он говорил?»

Игорь закрыл глаза, и его лицо исказилось, словно от острой боли.

— Он говорил, что всё, во что я верил, — обман. Что я не талантлив, что я не нужен, что я — ошибка природы. Он говорил, что моя мать проклинает тот день, когда родила меня. Что моя девушка изменяла мне с моим лучшим другом. Что мои стихи — бездарные поделки, которые никому не интересны. Он говорил это так спокойно, так уверенно, словно читал из книги. И я... я не мог ему возразить. Потому что он был прав.

Голос Игоря сорвался на шёпот. По щекам потекли слёзы, но он не вытирал их. Артём смотрел на него и чувствовал, как внутри поднимается нечто тёмное, похожее на гнев, смешанный с жалостью.

Он написал: «Он не был прав. Он просто знал, как тебя сломать».

Игорь покачал головой.

— Вы не понимаете. Это была не ложь. Я чувствовал это. Каждое его слово было как гвоздь, вбитый в меня по самую шляпку. После этого я не могу... я не хочу жить.

Артём сжал его руку. Он хотел сказать, что понимает, что сам прошёл через подобное, что правда не всегда стоит того, чтобы её слышать. Но он не мог говорить. Он мог только писать.

«Ты жив. Это главное. Мы найдём его. Остановим».

Игорь посмотрел на записку, потом на Артёма. В его взгляде была безнадёжность.

— Зачем? Чтобы он сказал вам то же самое? Чтобы вы тоже возненавидели себя?

Артём медленно покачал головой. Он написал:

«Я уже слышу правду каждый день. Я слышу её в каждом лживом слове. Но я не собираюсь умирать».

Игорь долго смотрел на эти слова. Затем он попытался сесть. Артём помог ему, поддерживая за плечи. Парень был слаб, но в его глазах появилась искра — слабая, едва тлеющая, но всё же искра.

— Вы правы, — прошептал он. — Я не хочу, чтобы он победил. Но я боюсь, что он снова придёт.

Артём написал: «Мы уйдём до этого».

Он встал, осмотрелся. В подвале было темно, но фонарик ещё работал. Он осветил выход — лестницу, по которой спустился. Она вела наверх, к складу. Если шаги действительно были реальными, то тот, кто ходил, мог ждать за дверью. Но другого пути не было.

Артём помог Игорю подняться. Парень опирался на него, его ноги дрожали. Вместе они медленно двинулись к лестнице. Каждый шаг отдавался эхом в тишине. Артём держал фонарик в одной руке, нож — в другой. Он был готов ко всему.

Они дошли до лестницы. Артём посветил наверх. Там было темно. Он прислушался: ни звука. Только ветер где-то вдалеке.

Он кивнул Игорю, и они начали подниматься. Ступени скрипели, и каждый скрип казался оглушительным. Артём замер на середине, прислушиваясь. Тишина.

Наконец они выбрались в помещение склада. Свет фонарика заметался по стенам, выхватывая из мрака очертания разрушенных конструкций. Всё выглядело так же, как и час назад. Никого не было видно.

Артём почувствовал, как напряжение немного отпускает. Возможно, шаги были всего лишь игрой его воображения, порождённой страхом и усталостью. Но он не спешил убирать нож.

Они направились к выходу. Ворота были всё так же приоткрыты. Серый свет сочился сквозь щель. Артём помог Игорю преодолеть последние метры, и они выбрались наружу.

Дождь почти прекратился, превратившись в мелкую морось. Воздух был сырым и холодным, но Артём вдохнул его с облегчением. Они были снаружи. Впереди — дорога, по которой можно вернуться в город.

Они отошли от склада на безопасное расстояние. Игорь опустился на землю, обессиленный. Артём стоял рядом, оглядываясь по сторонам. Он не мог избавиться от ощущения, что за ними наблюдают. Что где-то среди этих руин прячется тот, кто уже видел их и ждёт.

Он достал блокнот и написал: «Отдохни. Потом пойдём. Ты должен рассказать мне всё, что помнишь».

Игорь кивнул, закрыв глаза. Артём сел рядом, не выпуская ножа из рук. Он знал, что впереди их ждёт долгий путь — и не только до города, но и к разгадке этого кошмара. И он должен быть готов.

Тем временем за его спиной, среди руин, едва слышно скрипнула дверь. Артём не обернулся, но почувствовал, как волосы на затылке шевельнулись. Он слышал этот звук. И знал, что он означает.

Они здесь не одни. Артём медленно, не делая резких движений, повернул голову. Он не хотел, чтобы тот, кто скрывался среди руин, понял, что его заметили. Взгляд его скользнул по ржавым балкам, по грудам битого кирпича, по тёмным провалам окон. Всё было неподвижно, лишь лёгкий ветер шевелил обрывки полиэтилена на куче строительного мусора. Но он знал: звук, который он слышал, не был порождён ветром. Это был скрип дверной петли, негромкий, но отчётливый, как вздох.

Артём выждал несколько секунд, затем склонился к Игорю и одними губами, почти беззвучно, произнёс:

— Молчи.

Игорь, несмотря на слабость, уловил движение губ и замер. Его глаза расширились. Артём приложил палец к губам, призывая к тишине, и медленно выпрямился. Он не знал, сколько человек прячется среди развалин — один или несколько, вооружены ли они. Но он понимал, что оставаться на открытом месте нельзя. Нужно было уходить, но так, чтобы не подставить спину.

Он оглянулся, оценивая обстановку. В двадцати метрах от них, слева, стоял остов разрушенного кирпичного здания с дверным проёмом, за которым темнел коридор. Там можно было укрыться, переждать, а затем попытаться обойти опасность. Справа — широкий пустырь, заросший бурьяном, ведущий к старой железнодорожной насыпи. Открытое пространство, где они будут как на ладони. Но если бежать быстро, возможно, удастся оторваться.

Артём выбрал первое. Он не был уверен, что Игорь выдержит бег по пересечённой местности. Парень едва стоял на ногах, и каждый лишний метр мог стать для него последним. Лучше было спрятаться и дать ему отдышаться.

Он тронул Игоря за плечо и указал на здание. Тот понял, кивнул. Артём помог ему подняться, и они, пригибаясь, двинулись к дверному проёму. Он старался ступать неслышно, но под ногами то и дело хрустели осколки кирпича и щебень. Каждый звук казался оглушительным, словно выстрел.

Когда они добрались до входа, Артём обернулся, взглядывая в руины позади. Никого. Он завёл Игоря внутрь, в тень. Помещение было пустым, с голыми стенами, на которых сохранились следы копоты. Потолок частично обрушился, и сквозь прорехи в крыше сочился серый свет. Под ногами валялись куски штукатурки, ржавая арматура, осколки стекла.

Они остановились за выступом стены, у оконного проёма, выходящего на пустырь. Артём усадил Игоря на корточки, а сам встал у стены, осторожно выглядывая наружу. Его рука сжимала рукоять ножа так, что побелели костяшки.

В тишине прошло несколько минут. Никто не появлялся. Артём уже начал сомневаться, не послышалось ли ему. Но чутьё, отточенное годами службы, подсказывало: опасность рядом. Она была невидимой, но осязаемой, как запах гари от далёкого пожара.

Игорь зашевелился, потянул Артёма за рукав. В его взгляде читался немой вопрос: «Кто это?» Артём пожал плечами и покачал головой. Он не знал. Но у него были подозрения.

Он достал блокнот, присел рядом с Игорем и написал: «Тот человек, который привёл тебя сюда. Как он выглядел?»

Игорь прочитал, сглотнул, затем едва слышно прошептал:

— Он был... обычный. Среднего роста, худой. Носил длинное серое пальто, хотя было не так уж холодно. И шляпу, надвинутую на глаза. Я не разглядел его лица. Он всё время держался в тени. Но голос... его голос был мягким, вкрадчивым. Таким, что хочется слушать, даже когда он говорит ужасные вещи.

Артём кивнул, записывая. Затем добавил: «Что-нибудь ещё? Особые приметы, запах, походка?»

Игорь задумался, морща лоб.

— Запах... да, был запах. Сладковатый, как будто ладан или что-то церковное. И ещё — он носил перчатки. Чёрные кожаные перчатки. Я помню, как он доставал из кармана сложенный лист бумаги, и пальцы в перчатках были очень тонкими, длинными. Как у пианиста.

Артём записал: «Перчатки, длинные пальцы, запах ладана, серое пальто, шляпа. Он упоминал своё имя?»

Игорь покачал головой.

— Нет. Он называл себя просто «тот, кто говорит правду». Или иногда «правда». Как будто он и есть сама правда, воплощённая в человеке.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холод. Это не было случайным совпадением. Человек, который называл себя правдой, использовал свою уникальную способность — или проклятие — для уничтожения других. Он не просто излагал факты. Он выворачивал души наизнанку, находя в них самые тёмные закоулки и направляя туда свет, который ослеплял.

Он снова написал: «Как он тебя нашёл? Ты сказал, он подошёл в парке. Почему именно ты?»

Игорь пожал плечами.

— Я не знаю. Может, он следил за мной. Или за всеми нами — теми, кто потерял голос. Он знал обо мне то, что я никогда никому не рассказывал. Он знал о моём дневнике, о моих стихах, о моих страхах. Как будто он был внутри моей головы.

Артём отложил блокнот и задумался. Если этот человек действительно обладал способностью не только говорить правду, но и каким-то образом знать сокровенное, то его сила была почти сверхъестественной. Но Артём не верил в мистику. Он верил в факты. И факты говорили, что этот человек тщательно изучал своих жертв, прежде чем нанести удар. Он был не только психопатом, но и шпионом, который умел подбираться незаметно.

Снаружи снова раздался звук. На этот раз — хруст щебня под чьей-то ногой. Совсем близко, метрах в десяти от здания. Артём замер, прижавшись к стене. Игорь зажал рот ладонью, чтобы не издать ни звука. Его глаза были широко раскрыты, в них застыл ужас.

Артём осторожно выглянул из-за угла. На пустыре, среди бурьяна, двигалась тень. Это была человеческая фигура, закутанная в длинный плащ. Голова была покрыта капюшоном, лица не видно. Фигура шла медленно, словно прочёсывала местность. В руке у неё был какой-то предмет, похожий на трость или длинную палку.

Артём отпрянул за стену. Сердце заколотилось в груди. Это был он. Или его пособник. В любом случае, встреча с ним сейчас была бы смертельно опасна. Игорь был слишком слаб, а сам Артём, несмотря на нож, не был готов к открытому столкновению с неизвестным, который, возможно, вооружён и точно психически неуравновешен.

Он присел рядом с Игорем, приложил палец к губам. Игорь закивал, едва сдерживая дрожь. Артём лихорадочно соображал. Остаться здесь — значит быть обнаруженными. Бежать через пустырь — значит выдать себя. Но был ещё один путь: через заднюю стену здания, где, кажется, был пролом. Если пробраться туда, можно выйти с другой стороны, скрытой от глаз преследователя.

Он схватил Игоря за руку и потянул вглубь здания. Они прошли через захламлённую комнату, перешагивая через груды мусора, и оказались у задней стены. Действительно, часть кладки обрушилась, образовав лаз. Артём выглянул наружу: там был узкий переулок между развалинами, заваленный обломками, но проходимый. Дальше — пустырь и дорога.

Они выбрались через лаз. Артём помог Игорю протиснуться, затем сам вылез. Теперь они были в относительном укрытии, за высокими зарослями чертополоха. Артём выглянул из-за стены. Фигура на пустыре всё ещё двигалась, но уже в противоположном направлении. Он не заметил их.

Артём выдохнул с облегчением. Но расслабляться было рано. Нужно было уходить как можно дальше, пока преследователь не изменил маршрут. Он подал знак Игорю, и они, пригибаясь, зашагали через заросли к дороге. Колючки цеплялись за одежду, ноги тонули в грязи, но они шли, не останавливаясь.

Наконец они выбрались на заброшенное шоссе. Вдалеке, на холме, виднелись жилые дома — цивилизация. Артём оглянулся: никого. Пустошь была безмолвна, лишь ветер гудел в проводах.

Игорь совсем выбился из сил. Он опустился на корточки у обочины, тяжело дыша. Артём присел рядом, положил руку ему на спину.

— Спасибо, — прошептал Игорь, — я бы сам не выбрался.

Артём кивнул. Он достал блокнот, написал: «Идти сможешь? До остановки далеко, но можно поймать машину».

Игорь покачал головой.

— Я не знаю. У меня всё плывёт перед глазами.

Артём осмотрел его: лицо парня было бледным, губы посинели, на лбу выступил холодный пот. Нужна была срочная помощь. Артём поднялся, вышел на середину дороги и поднял руку. Он знал, что шансы поймать попутку здесь, на пустынной трассе, невелики, но другого выхода не было.

Прошло минут десять. Ни одна машина не проехала. Игорь начал заваливаться на бок, теряя сознание. Артём подхватил его, удержал. Паника подступала к горлу, но он заставил себя думать трезво. Он не мог позвонить — телефона у него не было, да и голоса тоже. Он не мог крикнуть о помощи. Он был немым в полном смысле слова.

Вдруг вдалеке показался свет фар. Артём вскочил, замахал руками. Машина — старый разбитый фургон — приближалась. Он вышел на дорогу, перегородив путь. Фургон затормозил, взвизгнув шинами. За рулём сидел мужчина с обветренным лицом и вязаной шапке. Он приоткрыл окно.

— Чего надо? — грубо спросил он.

Артём указал на Игоря, лежащего на обочине. Мужчина выглянул, поморщился.

— Пьяный, что ли?

Артём замотал головой. Он достал блокнот, быстро нацарапал: «Человеку плохо. Нужно в больницу. Прошу, помогите».

Водитель прочитал, сплюнул.

— А мне-то что? Я не скорая.

Артём снова написал: «Я заплачу».

Он полез в карман, вытащил несколько смятых купюр. Водитель посмотрел на деньги, скривился.

— Ладно, садись. Только не на сиденья кровью не капайте.

Артём кивнул. Он помог Игорю подняться, почти волоком дотащил до фургона. Водитель открыл заднюю дверь, там пахло рыбой и бензином. Артём уложил Игоря на грязный матрас, сам сел рядом. Машина тронулась.

В дороге Игорь несколько раз приходил в себя, бормотал что-то бессвязное, затем снова проваливался в забытие. Артём держал его за руку, чтобы тот чувствовал присутствие. Он смотрел в окно на проплывающие мимо серые дома, на мокрый асфальт, на людей с зонтами, спешащих по своим лживым делам. Город казался чужим, враждебным.

Фургон остановился у приёмного покоя городской больницы. Водитель обернулся.

— Приехали. Деньги давай.

Артём отдал купюры, поблагодарил кивком. Вытащил Игоря. Тот был в полузабытии, но с помощью Артёма смог доковылять до дверей.

В приёмном покое их встретила санитарка с усталыми глазами.

— Что с ним? — спросила она, окинув Игоря безразличным взглядом.

Артём достал блокнот, написал: «Обморок, обезвоживание, возможно, травма головы. Нужна помощь».

Санитарка прочитала, вздохнула.

— Ладно, садитесь вон там. Сейчас врач подойдёт.

Она указала на ряд стульев у стены. Артём усадил Игоря, сам сел рядом. Он понимал, что надолго здесь не задержится: нужно было возвращаться к делу. Но бросить парня он не мог, пока не убедится, что им займутся.

Минут через двадцать вышел врач — молодой, в помятом халате. Он осмотрел Игоря, посветил в глаза, измерил давление.

— Состояние средней тяжести. Нужна госпитализация. Вы родственник?

Артём написал: «Нет. Нашёл его на улице. Его мать в городе. Телефон я не знаю».

Врач кивнул.

— Хорошо, оформим как неизвестного. А вы свободны. Если хотите, оставьте свои данные в регистратуре.

Артём покачал головой. Он не мог оставить данные — не хотел, чтобы его имя фигурировало в связи с этим делом. Он написал: «Я не могу говорить. Просто позаботьтесь о нём».

Врач странно посмотрел на него, но ничего не сказал. Артём ещё раз взглянул на Игоря. Парень уже лежал на каталке, глаза закрыты, дыхание ровное. Артём коснулся его лба, затем вышел из больницы.

Дождь снова усилился. Он стоял под козырьком, глядя на потоки воды, стекающие по стеклу. Теперь у него была новая цель: найти человека, который называет себя правдой. Но для этого нужно было больше информации. Нужно было вернуться в свой кабинет, разложить улики, подумать. И, возможно, встретиться с теми, кто мог знать больше — с другими «молчаливыми». С теми, кто выжил.

Он зашагал к остановке, прикидывая в уме, с чего начать. В голове крутились слова Игоря: «Он называл себя правдой». И это было не просто красивое выражение. Это была мания величия, возведённая в абсолют. Человек, который верит, что он — воплощение правды, не остановится, пока не заставит всех услышать то, что он считает истиной. И эта истина будет разрушительна.

Артём поднял воротник плаща и ускорил шаг. Город вокруг него жил своей обычной лживой жизнью: витрины манили яркими вывесками, автомобили гудели, люди смеялись. Но под этой блестящей оболочкой скрывалась гниль. И он, Артём, был одним из немногих, кто видел её. Он был немым, но не слепым. И теперь он должен был использовать свою немоту как оружие.

Впереди, на стене дома, он заметил объявление. Подошёл ближе. Это был лист бумаги, приклеенный к кирпичной кладке. На нём крупными буквами было написано:

«Ты слышишь правду? Или боишься её? Приходи в четверг. Сквер на набережной. Мы ждём».

Артём остановился. Объявление было свежим, краска ещё не до конца высохла. Он огляделся: на тротуаре никого, только прохожие, спешащие по своим делам. Кто это повесил? Может быть, это ловушка. А может — приглашение от тех, кто, как и он, оказался на обочине жизни.

Он сорвал лист и сунул в карман. Это была зацепка. Возможно, именно там он найдёт ответы. Или столкнётся с тем, кто уже давно ведёт за ним охоту.

Он пошёл дальше, не оглядываясь. Дождь стучал по асфальту, смывая следы. Город молчал, но Артём знал: в этой тишине назревает буря. И он был в самом её центре.

Глава 3. Набережная шёпотов

Четверг наступил так, словно неделя сжалась в один бесконечный, пропитанный сыростью день. Время тянулось, но в то же время пролетало незаметно. Артём почти не спал: ночи он проводил в размышлениях, днём — в бессмысленных, но необходимых попытках собрать воедино всё, что знал. Он перечитал блокнот Игоря, изучил записки, найденные в подвале, разложил их на столе под лампой и снова и снова возвращался к обрывкам фраз, пытаясь уловить закономерность, логику, слабое место человека, называвшего себя Правдой.

Почерк на листах был размашистым, но небрежным. Казалось, человек писал быстро, не заботясь о красоте, — его волновали сами слова, а не их форма. В этом было что-то почти религиозное: пророк, изрекающий истину, не думает о каллиграфии. Он спешит, потому что истина не может ждать. Она рвётся наружу, как вода из треснувшей плотины, и тот, кто её несёт, не в силах удержать поток.

Артём снова прочитал первую записку: «Ты пришёл. Значит, тебе нужна правда. Но помни: правда убивает. И это не метафора». Значит, человек знал, что кто-то будет искать его. Возможно, он оставлял подобные послания всем своим жертвам или тем, кто шёл по его следу. А может, это было адресовано лично Артёму, и тогда получается, что он с самого начала был вовлечён в эту историю, даже не подозревая об этом.

Он отложил бумаги и подошёл к окну. За окном моросил дождь, превращая пейзаж в размытую серую акварель. Улица внизу была пустынной, лишь редкие машины, похожие на жуков, ползли по мокрому асфальту, разбрызгивая лужи. Фонари уже горели, хотя до вечера было ещё далеко, — небо затянули низкие, тяжёлые тучи, крадущие дневной свет.

До встречи в сквере на набережной оставалось несколько часов. Артём не знал, кто придёт туда и что его ждёт, но понимал, что не пойти не может. Слишком мало у него было запек, чтобы пренебрегать даже самой сомнительной. Возможно, там соберутся такие же, как он, — потерявшие голос, отверженные, напуганные. Возможно, кто-то из них знает Правду в лицо. А возможно, это ловушка, и человек в сером пальто уже ждёт его среди мокрых деревьев.

Артём оделся так, чтобы не привлекать внимания: тёмная куртка с капюшоном, джинсы, старые ботинки. Нож он снова спрятал во внутренний карман. Фонарик — в другой. Блокнот и карандаш — в нагрудный. Он не рассчитывал на открытое столкновение, но готов был к нему.

Он вышел из дома засветло, чтобы успеть осмотреть место встречи до того, как стемнеет. Сквер на набережной — это было тихое, почти заброшенное место на окраине, где река делала изгиб, а старые тополя нависали над водой, как скорбные стражи. Летом там гуляли парочки, осенью — догнивали листья, зимой — не было никого. Теперь, в сырую февральскую пору, сквер должен был быть пуст.

Артём доехал на автобусе до старого моста, вышел и пешком направился вдоль реки. Трогуар был скользким, покрытым мокрым снегом, перемешанным с грязью. Он шёл медленно, внимательно оглядываясь. Вокруг не было ни души. Река катила свои чёрные воды, беззвучно и угрюмо, отражая серое небо. Ветер с реки пронизывал до костей, пробираясь под одежду ледяными щупальцами.

Сквер появился впереди: несколько аллей с облетевшими деревьями, чугунная ограда с облупившейся краской, покосившаяся скамейка. В центре — небольшой фонтан, давно не работающий, заваленный мусором и палой листвой. За ним — спуск к воде, бетонная набережная, поросшая мхом.

Артём зашёл в сквер, огляделся. Никого. Он сел на скамейку, недалеко от входа, чтобы видеть всех, кто придёт. Скамейка была мокрой, холод проник сквозь ткань куртки, но он не обращал внимания. Он смотрел на дорогу, на мост, на пустые аллеи. Тишина была глубо-

кой, нарушаемой лишь шумом реки и редкими порывами ветра, бросающими в лицо ледяные брызги.

Время шло. Смеркалось. Фонари вдоль аллеи зажглись один за другим, отбрасывая жёлтые круги на асфальт. В их свете дождь казался серебряной пылью. Артём сидел, не двигаясь, сливаясь с тенью. Он был терпелив, как хищник в засаде.

Первым появился мужчина. Он вышел из-за поворота, ведущего к мосту, и медленно зашагал по аллее. Был он невысок, сутул, кутался в длинное тёмное пальто, явно знававшее лучшие времена. На голове — вязаная шапка, надвинутая на глаза. Он не шёл, а крался, то и дело оглядываясь. Увидев Артёма, он замер на мгновение, затем продолжил движение, но уже медленнее.

Артём не шелохнулся. Он лишь внимательно наблюдал. Мужчина подошёл ближе, остановился в нескольких метрах. В полумраке его лицо казалось бледным пятном.

— Вы... тоже? — спросил он негромко, и в его голосе Артём уловил характерные нотки — напряжённую, сдавленную интонацию, как будто каждое слово давалось с трудом.

Артём кивнул. Мужчина выдохнул, словно избавившись от груза. Подошёл, сел на другой конец скамейки, стараясь держать дистанцию.

— Я думал, я один такой, — прошептал он. — Недавно перестал говорить. Всё пытался соврать жене, что всё хорошо. Не смог.

Артём повернул голову, посмотрел на него. Мужчина был лет пятидесяти, с обветренным лицом, на котором застыла печать усталости и страха. В глазах — пустота, знакомая Артёму слишком хорошо.

Он достал блокнот, написал: «Меня зовут Артём. Я здесь из-за объявления».

Мужчина прочитал, кивнул.

— Я Виктор. А объявление... это не я писал. Я его тоже увидел. На столбе возле рынка. Решил прийти, вдруг здесь такие же, как мы.

Постепенно начали подходить и другие. По одному, с опаской, словно звери, выходящие на водопой. Всего к семи часам собралось восемь человек. Они не представлялись друг другу громко, не жали рук — лишь кивали, обменивались короткими, едва слышными фразами, которые давались с видимым трудом. Артём понимал: для большинства из них каждое слово было битвой. Они могли говорить только правду, и потому молчали, боясь обнажить себя.

Одна из пришедших — женщина лет сорока, с усталыми глазами и туго стянутыми в пучок волосами — села напротив Артёма, на чугунную скамейку у фонтана. Она долго смотрела на реку, затем тихо произнесла:

— Я слышала о нём. О том, кто говорит так, что хочется умереть.

Все насторожились. Артём внутренне подобрался.

— Где слышали? — спросил Виктор, и его голос дрогнул.

— От соседки. Она тоже немая, как мы. Её сын... покончил с собой две недели назад. Перед этим он ходил куда-то, говорил с кем-то. Вернулся сам не свой. Через день его нашли в ванной. Вены вскрыл.

Повисла тишина. Река шумела внизу, как будто шептала что-то на неведомом языке. Ветер качал голые ветви тополей, отбрасывая на мокрый асфальт дрожащие тени, похожие на пальцы.

Артём достал блокнот и написал, подняв листок так, чтобы все видели: «Кто этот человек? Кто-нибудь знает?»

Женщина покачала головой.

— Никто не знает его имени. Говорят, он приходит к тем, кто потерял голос, и предлагает «помощь». Говорит, что избавит от страданий, откроет глаза. Но то, что он говорит... это невыносимо. Моя соседка слышала об этом от сына перед его смертью, но тот был уже в таком состоянии, что ничего толком не объяснил.

— Я слышал, — подал голос молодой парень с рюкзаком за плечами, стоявший поодаль. Он курил, прикрывая сигарету ладонью от дождя. — В нашем районе был случай. Мужчина, владелец автомастерской, выбросился из окна. Говорят, перед смертью он общался с каким-то типом в сером пальто. Жена его рассказывала, что он пришёл домой белый как полотно, ничего не ел, всю ночь сидел на кухне и повторял: «Он сказал правду, правду, правду». А утром шагнул с балкона.

Артём слушал, и внутри у него росло холодное, тяжёлое чувство. Значит, этот человек действовал не только в заброшенном складе. Его следы тянулись по всему городу — самоубийства, нервные срывы, сломанные судьбы. И с каждым днём его влияние росло, как опухоль.

Он снова написал: «Вы можете описать его?»

Мужчина, говоривший о мастерской, пожал плечами.

— Я сам не видел. Только по рассказам. Высокий, худой, лицо скрывает. Говорит тихо, но как-то так, что каждое слово врежется в мозг. Ещё говорят, от него пахнет ладаном, как из церкви.

Артём почувствовал, как сердце пропустило удар. Это совпадало с описанием Игоря. Человек в сером пальто, с запахом ладана, с длинными пальцами в чёрных перчатках. Он был реален. И он был где-то рядом.

— А зачем ему это? — спросила женщина, зябко кутаясь в платок. — Зачем говорить людям то, от чего они умирают?

Никто не ответил. Все молчали, глядя на реку, на тёмную воду, несущуюся к мосту. Артём знал ответ, но не мог произнести его вслух. Он мог бы написать: «Потому что он получает удовольствие от чужой боли». Но он не знал, правда ли это. Возможно, ответ был сложнее. Возможно, этот человек действительно верил, что правда освобождает, даже если это освобождение приходит через смерть.

Он написал на листке: «Нам нужно его найти. Прежде чем он найдёт ещё кого-нибудь».

Все закивали, но в их глазах Артём видел страх. Никто не знал, как к нему подступить. Этот человек был как призрак: он появлялся, когда его не ждали, и исчезал, оставляя после себя лишь трупы и искалеченные души.

Внезапно Артём почувствовал, как изменилась атмосфера. Словно кто-то невидимый встал за его спиной и прикоснулся к затылку ледяным пальцем. Он медленно обернулся. В дальнем конце аллеи, под старым тополем, стояла фигура. Человек в длинном плаще и широкополой шляпе. Он стоял неподвижно, глядя в их сторону.

Артём сжал рукоять ножа. Остальные тоже заметили его. Виктор тихо охнул, женщина вскрикнула, парень с рюкзаком отступил на шаг. Фигура не двигалась. Она словно наблюдала, оценивая, выбирая следующую жертву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.